

тибетскаго волка. Затѣмъ въ бинокль разглядѣлъ, что это былъ медвѣдь, вылѣзшій съ своей зимней лежки въ пещерѣ погрѣться на солнцѣ. Радостно забилося мое сердце при такомъ открытіи! Но вмѣстѣ съ тѣмъ явилось и опасеніе, чтобы звѣрь не ушелъ ранѣе того, какъ я подойду къ нему въ мѣру мѣткаго выстрѣла. Мѣстность же не позволяла сдѣлать обходъ; необходимо было спускаться по розсыпи на глазахъ медвѣдя. Такъ я и сдѣлалъ. Держа наготовѣ свой штуцеръ, чтобы стрѣлять хотя на удачу, если звѣрь вздумаетъ уходить, я полѣзъ книзу по противоположной сторонѣ ущелья. Камни осыпи съ шумомъ катились при каждомъ моемъ шагѣ; но медвѣдь никѣмъ непуганный и, быть можетъ, никогда еще невидавшій человѣка, продолжалъ спокойно лежать, изрѣдка только поворачивая голову въ мою сторону. Наконецъ, я спустился до того мѣста, откуда могъ направиться къ звѣрю незамѣченнымъ, пользуясь скалою, стоявшею между мною и медвѣдемъ. Добравшись до этой скалы, я осторожно выглянулъ изъ-за нея и увидѣлъ, что медвѣдь лежитъ на прежнемъ мѣстѣ, въ разстояніи однако еще болѣе двухсотъ шаговъ; но ближе подкрасться было невозможно; я рѣшилъ стрѣлять отсюда. Положивъ штуцеръ на выступъ скалы и хорошенько прицѣлившись, я спустилъ курокъ. Грянулъ выстрѣлъ, затѣмъ другой—и медвѣдь, убитый наповаль, успѣлъ лишь немного вдвинуться въ свою пещеру; между тѣмъ я вложилъ въ штуцеръ новые патроны и послалъ еще два выстрѣла. Затѣмъ, видя, что звѣрь не шевелится, направился къ нему, все по той же розсыпи, по которой, при всемъ нетерпѣніи, спѣшно идти было невозможно; наконецъ, я добрался до пещеры, у входа въ которую лежалъ убитый медвѣдь, оказавшійся великолѣпнымъ экземпляромъ. Полюбовавшись звѣремъ, я приступилъ къ обдиранію шкуры, какъ явился г. Эклонъ, ходившій невдалекѣ, и мы вдвоемъ живо сняли кожу; не забыли также взять сало, котораго, впрочемъ, оказалось немного; затѣмъ, съ тяжелою ношею, стали спускаться внизъ опять по розсыпямъ, которыми почти сплошь усѣянъ весь верхній поясъ здѣшнихъ горъ. При выходѣ изъ нихъ встрѣтили возвращавшагося съ пустыми руками солдата Урусова, передали ему свою добычу и втроемъ вернулись къ бивуаку, гдѣ, конечно, еще долго рассказывались подробности удачной охоты.

Отъ горъ Цаганъ-обо мы свернули влѣво съ нашего прежняго пути и направились далѣе тайджинерскою дорогою. Помимо удобства движенія черезъ избранные перевалы, путь этотъ пролегалъ на протяженіи болѣе 500 верстъ по новымъ для насъ мѣстностямъ; сверхъ того, мы

Новый  
нашъ путь.